

Л.Л. Ивченко
L.L. Ivchenko

**БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ
И ЕГО УЧАСТНИКИ В СОВРЕМЕННЫХ
«КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ»**

**THE BATTLE OF BORODINO
AND ITS HEROES IN THE CONTEMPORARY
“COMMEMORATIVE PRACTICE”**

Автор анализирует несколько работ, посвященных памяти Бородинского сражения и одного из самых выдающихся русских военачальников князя Петра Багратиона. Авторы этих работ мало обращают внимания на место «экспертного знания» и предпочитают делать свои выводы только на основе собственных представлений. В целом, они ничего не знают о российской историографии 1990–2000 гг., посвященной Наполеоновским войнам, а также о других видах деятельности своих российских коллег в 2005–2015 гг., особенно во время празднования 200-летия победы России в 1812 году.

The author analyses several papers dedicated to commemoration of the battle of Borodino and one of the most eminent Russian military leader Prince Piotr Bagration. The authors of these papers pay little attention to the place of the “expert knowledge” and prefer to make their conclusion only on their own perceptions. On the whole they know nothing about Russian historiography of 1990–2000 dedicated to Napoleon’s Wars, as well as about another kinds of activity of their Russian colleagues in 2005–2015 especially during the celebration of the 200th anniversary of the victory of Russia in 1812.

Ключевые слова: Бородино, коммеморативные практики, историческая память, историография.

Keywords: Borodino, commemorative practice, historical memory, historiography.

Намерение обратиться к теме «коммеморативных практик», касающихся такого памятного в российской истории события как Бородинское сражение 24–26 августа 1812 года, возникло на прошлогодней конференции. Многим из присутствовавших на ней, вероятно, запомнился доклад, сопровождавшийся демонстрацией на экране графиков, цветных схем и диаграмм с целью наглядно убедить аудиторию в беспредельном торжестве правительственного «официоза», которым сопровождалось возведение памятников на Бородинском поле к 100-летней годовщине события. Не последнюю роль в доказательной базе докладчика должно было сыграть словесное описание памятников, которое явно не соответствовало их внешнему виду. По окончании доклада трудно было удержаться от вопроса: «А вы сами когда-нибудь видели эти памятники?», и получить обескураживающий ответ: «К сожалению, пока нет». При публикации статьи в сборнике многие «несообразности» были автором исключены из текста¹, но, как говорится, неприятный осадок остался...

Один из серьезных историков, успешно, на наш взгляд, специализирующихся на изучении процесса коммеморации Отечественной войны 1812 года, отмечает: «Историческая память и коммеморативные практики, используемые обществом и властью, в последнее время неоднократно становились предметом исследований, что связано как с изменениями в проблемном и методологическом поле современной науки, так и с активизацией исторической политики, попытками власти использовать исторический опыт коммеморации для решения современных политических задач. Современные исследования, посвященные Наполеоновским войнам в исторической памяти и исторической политике в разных странах, подтверждают устойчивую тенденцию использования этого исторического события в политических целях <...>»². В ряде своих статей мы неоднократно отмечали, что история как наука тесно связана с социальной практикой, опирающейся на идеологию³: «Очевидна идеологическая составляющая исторической памяти – и не только в привычном людям моего и более старших поколений советском тоталитарном варианте <...> Идеология, идея присутствует в исторической памяти всегда», – справедливо признает современный исследователь⁴. Как эво-

люционировала в нашей стране в течение двух столетий историческая память о событиях 1812 года, «приноравливаясь» к запросам общества, подробно анализируется в юбилейном издании «Отечественная война 1812 года в культурной памяти России»⁵.

Однако в настоящее время создается впечатление, что предмет исследований включает в себя исключительно изучение «спектра мнений в обсуждениях юбилейных торжеств, сместив центр наиболее заметных дискуссий к явлениям, так или иначе связанным с современным политическим дискурсом»⁶. Возникает закономерный вопрос: какую роль в изучении исторической памяти играют научные знания и играют ли вообще? Нужны ли специалистам по коммеморативным практикам достоверные сведения о событии, ставшем объектом коммеморации, да, собственно говоря, о том, как в прошлом шел процесс формирования Бородинского поля как «места памяти» и есть ли здесь вообще место так называемому «экспертному» знанию?

В том же сборнике, где была опубликована вышеупомянутая статья Т.А. Сабуровой, помещена и статья В.Н. Земцова, которая действует утешительно на специалистов, занимающихся проблемами Наполеоновских войн: «Европейская война 1812–1814 годов: историки последних десятилетий в поисках методологических новаций», в которой говорится: «Переплетаясь с практикой “научного историописания”, национальные исторические мифы заложили основы самосознания многих европейских наций и даже породили то, что сегодня принято называть исторической политикой и политикой прошлого»⁷. В.Н. Земцов особо выделяет сферу исторической памяти и исторического сознания применительно к событиям эпохи в разных аспектах, «начиная от особенностей восприятия событий их участниками, воздействия официальной пропаганды и заканчивая образами наполеоновской эпохи в современной массовой культуре»⁸. Заметим, что автор принимает за точку отсчета в исследовании истории памяти изучение особенностей восприятия события его участниками и заканчивает отражением в массовой культуре.

В этом же методологическом ключе выдержана и основательная работа А.А. Постниковой⁹, посвященная битве на Березине,

в которой автор скрупулезно отслеживает, как конструируются, анализируются образы события в соответствии с различными обстоятельствами внешнего и внутривнутриполитического характера, формируются разнообразные версии одного и того же исторического явления. В этом процессе осмысления прошлого А.А. Постникова особенно акцентирует внимание на «роли национальных стереотипов, формировавшихся на протяжении уже почти двух столетий»¹⁰. В первой части книги автор, основываясь на источниках, эмоционально «проживает» события на реке Березине, а потом – во второй части книги – описывает их отражение в национальной памяти разных народов. В книге есть все: и синхрония, и мемуары, и научные труды. Историческая память представлена в разных видах источников – изобразительное искусство, художественная литература, кинофильмы, современная периодика и т.д. С нашей точки зрения – это эталонная работа для тех, кто сосредоточен на интеллектуальной истории и проблемах исторической памяти, именно потому, что автор отслеживает процесс коммеморации события, продвигаясь от источника к политическим процессам и массовой культуре.

К сожалению, подобной работы, посвященной Бородинской битве, пока не создано, хотя В.Н. Земцов в известной монографии «Великая армия в Бородинском сражении»¹¹ (переиздана в 2018) вместо привычно сдержанной характеристики историографии, рассматриваемой в категориях классовой борьбы, впервые обратился к путям формирования национальных традиций историописания Бородинского сражения, употребив термин «ловушки национальной памяти». Тому, как эволюционировала отечественная традиция восприятия битвы при селе Бородине, посвящен первый раздел монографии автора данной статьи¹². Представляется, что историографию события вообще невозможно исключить из контекста исторической памяти. Но в жизни все оказалось не так.

И.А. Шеин подробно характеризует в своей монографии¹³ общеизвестную для специалистов особенность познавательной ситуации, сложившейся в постперестроечный период, когда из академических научных учреждений «эпицентр современных исследований исто-

рии войны 1812 года сместился в неформально-общественные объединения ученых»: «...В течение последнего десятилетия XX в. сформировались центры научной разработки истории Отечественной войны 1812 года. Связующим звеном между историками, занимавшимися самостоятельными изысканиями, выступили Бородинский военно-исторический музей-заповедник, Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 года и Музей-панорама “Бородинская битва”. <...> Традиционные встречи ученых, проходившие на базе научно-просветительских учреждений, <...> приобрели масштаб всероссийских и международных слетов специалистов по истории Отечественной войны 1812 года»¹⁴. Пока профессиональные историки вели научные споры по накопившимся за многие десятилетия дискуссионным проблемам, включая методологические основы исследования, почти четверть века «пополняя» историографию Отечественной войны 1812 года¹⁵, а в год 200-летия событий 1812–1814 гг. выступали на научных конференциях, обменивались мнениями с иностранными специалистами, публиковали свои книги и статьи, другие знатоки темы переписывались в блогосфере, используя собственное «игровое поле» для обмена идеями. В результате, специалисты в области исторической политики в интернет пространстве современной России подвели итог 2012 г., не содержащий в себе ничего неожиданного: «он-лайн пространство <...>, создавая информационную реальность, усиливает разрыв между профессиональными и непрофессиональными историками, в конечном счете это приводит к организации полей деятельности для демагогии...»¹⁶

Но в 2015 г. один за другим появились в печати сборники статей, посвященные проблемам исторической памяти, из которых можно узнать много нового и неожиданного о Бородинском сражении и его коммеморации. Причем ряд статей написан серьезными людьми, судя по ученым степеням и должностям, которые называют себя историками. Прежде всего, это сборник «Два века в памяти России. 200-летие Отечественной войны 1812 года» (СПб., 2015). В анонсе к изданию говорится: «Государство и общество, все политические силы страны соперничали в борьбе за символическое наследство

героев Бородинской битвы. Конференция, организованная Европейским университетом в Санкт-Петербурге <...>, специально проводилась в феврале 2013 г., когда схлынул юбилейный вал и стало возможно перейти от непосредственного участия в коммеморативных практиках к серьезному разговору о них»¹⁷. Здесь снова возникает вопрос, где и какого рода коммеморативными практиками были загружены люди до такой степени, что у них не оставалось времени на «серьезные разговоры»? Почему (за исключением Т.А. Сабуровой) наши пути не пересекались? И подразумевали ли эти «практики» участие профессиональных историков? И насколько серьезным оказался состоявшийся наконец разговор о них?

Если приступить к чтению сборника с конца, то начинает казаться, что на два последних вопроса ответ подразумевается положительный. В конце сборника опубликована статья профессора университета Корсики, доктора наук Ж.Д. Поли¹⁸. Автор отмечает, что работу следует начинать с «тщательного отбора и изучения материалов». Он приводит в статье подробные списки франкоязычных публикаций и памятных мероприятий во Франции, посвященных 1812 году. Здесь названы работы историков, чьи имена нам хорошо известны: М.П. Рей, Т. Ленц, Ж.О. Будон, Д. Ливен, Ж. Тюлара. Ж.Д. Поли перечисляет опубликованные на французском языке за пределами Франции журналы, обозрения, статьи в бумажных и электронных СМИ, он-лайн передачи (в т.ч. выступление Ж. Тюлара о Кутузове «Добрый, жестокий, интриган. Рассказы наполеоновских солдат» – «Последние тайны русской кампании»). Тюлар поведал аудитории и о Бородинской битве (Canal Academie) в программе «День в истории», где выступили со своими темами также и М.П. Рэй, и О. Будон. В статье названы семинары и конференции, в т.ч. те, которые проходили в России. Потом – выставки, радио, телевидение, видеоигры, DVD и CD, экскурсионные маршруты и путешествия. Ж.Д. Поли делает интересные для нас замечания: Бородино – «это гигантское сражение, предвещающее количеством участников битву при Вердене (1916), сегодня уже не воспринимается во Франции как победа. Оно превратилось в ужасную бойню. Оно стирается из памяти. Интересно, что в 2012 г. широкой публике

уже известно и русское название этой битвы – Бородино; более того, оно даже вытесняет собой гордое название, выбранное Наполеоном. В современном французском сознании битва при Москве-реке уступает по значимости битве при Березине»¹⁹. В предисловии же автор мудро заметил: «поскольку мы не располагаем необходимой временной дистанцией, было бы самонадеянно рассчитывать сделать сколько-нибудь окончательные выводы»²⁰.

К сожалению, большинство участников конференции пошли по другому пути. Вот что пишет, например, в своей статье А.И. Миллер: «С моей точки зрения, самое интересное и во многом показательное событие в рамках юбилейной коммеморации 1812 г. – это публикация перевода вышедшей в 2009 г. по-английски книги Доминика Ливена о войне России с Наполеоном. Показательно, прежде всего, отсутствие сколько-нибудь значимой общественной реакции на эту важную и во многом ревизионистскую книгу. Это лишний раз свидетельствует об инертности российской политики памяти, а также о ее “деинтеллектуализации”, симптомом чего является падение значимости научных публикаций для общественного восприятия исторических событий. Отмечу, что и в ходе конференции в ЕУСПб не было представлено докладов, анализирующих в контексте юбилея научную книжную продукцию»²¹. Приезд Д. Ливена в Россию, участие в конференциях, благодарность российским исследователям (в частности В.М. Безотосному, которого он называет своим другом и который написал предисловие к книге Д. Ливена²²), научная конференция, состоявшаяся в Межотне (Латвия) в 2014 г., в которой многие из нас приняли участие по инициативе Д. Ливена, – все это осталось вне поля зрения автора статьи. Наконец, обширная публикация обсуждения книги Д. Ливена, в которой участвовали одиннадцать российских историков, в журнале «Российская история» РАН²³ прошла мимо специалистов по коммеморативным практикам. Пусть конференция в ЕУСПб состоялась в 2013 г., но у автора была возможность осведомиться о состоянии дел в «отрасли» и внести исправления в статью, а кое-что можно и нужно было сделать раньше.

Речь идет об «откровениях», которыми А.И. Миллер поделился с коллегами по цеху: «Другое показательное обстоятельство – это изменения, которые РОССПЭН посчитал нужным внести в русское издание книги Ливена. <...> В конце книги были опущены списки командующих воинскими частями российской армии в 1812 г. и заграничных походов. (О значении этого шага скажем ниже)»²⁴. После рассуждений о цивилизационном противостоянии России и Запада и попытки «нормализации» сталинизма Миллер сообщает, что Д. Ливен пишет, о том, что «офицерский корпус русской армии был собранием людей, происходивших из самых разных уголков Европы. Наиболее наглядно этот факт представлен в помещенных конце английского издания двух списках командного состава армии. Вот из-за того, что эти списки противоречат тенденции к национализации исторического нарратива, они и оказались исключены из русского издания»²⁵. Прежде чем делать далеко идущие выводы, А.И. Миллер мог бы обратиться за разъяснениями к самому Д. Ливену, в издательство РОССПЭН, наконец, к специалистам, давно изучающим эту тему. В первую очередь, к В.М. Безотосному, на фамилию которого А.И. Миллер должен был обратить внимание, если бы сам прочитал книгу Д. Ливена до рассуждений о «деинтеллектуализации» политики памяти в России. Наконец, существует множество способов ознакомиться с библиографией темы, чтобы убедиться в том, что увеличивать объем монографии Д. Ливена за счет известных российским читателям фактов нет необходимости. Все то же издательство РОССПЭН в 2004 г. выпустило в свет энциклопедию «Отечественная война 1812 года»; в 2012 г. и снова в РОССПЭНе была издана 3-томная энциклопедия «Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов», откуда можно почерпнуть имена и фамилии офицеров Российской императорской армии. Наконец, существуют статьи и книга Д.Г. Целорунго²⁶, где подробно рассматривается вопрос о национальном составе русской армии. В 2010 г. вышло в свет справочное издание «Бородино. Русское поле. Русские полки. Русские офицеры» (составители В.М. Безотосный, Д.Г. Целорунго),

где по полкам названы все офицеры. Про электронные базы данных упоминать считаю излишним. Зачем же Д. Ливену было, что называется, в лес дрова везти?

Статья В.В. Лапина «100-летие Отечественной войны 1812 года»²⁷, помещенная в том же сборнике, усиливает сомнения в том, что участники конференции в ЕУСПб стремились к «серьезному разговору» о коммеморативных практиках. Автор начинает свои рассуждения с самоочевидной банальности: «Коммеморация Отечественной войны 1812 г. представляла собой некий практически непрерывный процесс формирования культурной памяти о “двенадцатом годе”»²⁸. С этим заявлением трудно спорить, но хотелось бы заметить, что определение «некий», возникает в том случае, когда нет ясного представления о том, о чем хотелось бы сказать. Вместо того, чтобы «тщательно отобрать и изучить материал», автор предлагает собственные домыслы: «В 1912 г. исполнилось ровно сто лет диспуту о том, кто одержал победу при Бородино – русские или французы. В преддверии юбилея российская сторона сделала очень сильный ход: вдоль всей линии русских войск на поле боя протянулась вереница из трех десятков памятников частям и соединениям, участвовавшим в сражении. Кроме того, на стенах церкви Спаса в монастыре, построенном на месте, где в 1812 г. находились Багратионовы флешы, установили памятные доски от двенадцати армейских полков. Этой же церкви четыре гвардейских полка пожертвовали памятные иконы. Сам монастырь также представлял собой памятник русским воинам, павшим в Бородинской битве. Его основала вдова генерала А.А. Тучкова, погибшего 26 августа»²⁹. Трудно себе представить, каким образом на стенах небольшого по размеру храма Спаса Нерукотворного, изящной архитектурной постройке в стиле классицизма, можно разместить двенадцать мемориальных досок! Думается, автор и сам бы удивился своим словам, если бы хотя бы раз собственными глазами увидел храм.

Не менее трудно себе представить конференцию, где с серьезными лицами слушают рассуждения специалиста по «коммеморативным практикам», поражающие своим глубокомыслием: «Поскольку

главными в этом сражении были события на левом фланге и в центре, именно в этих местах и сгруппировались памятники частям – участникам боя. Монумены – материализованное доказательство того, что полки не просто бились с французами 26 августа 1812 г., но бились там, где решался исход боя»³⁰. В.В. Лапин, возможно, будет разочарован, узнав, что памятники стоят и на правом фланге у села Бородина – лейб-егерям, 1-му и 19-му егерским полкам, которые приняли участие в утреннем бою, продолжавшемся около часа, а памятник Нежинскому драгунскому полку отметил рейд русской кавалерии. Памятники стоят и на самой «оконечности» левого фланга на Старой Смоленской дороге в Утицком лесу. Но у села Бородина и у деревни Утица было задействовано гораздо меньше войск, чем в центре между батареей Раевского и деревней Семеновское. На наш взгляд, логичнее устанавливать памятники там, где боевые действия велись с большим ожесточением, и, следовательно, где сражалось значительно большее количество войск. Причем тут «сильные ходы в преддверии юбилея»?

Автор, не знающий истории возведения памятников полкам-предкам от полков-потомков, продолжает фантазировать на их счет: «Само количество монументов, установка их на всем пространстве, где происходила битва, создавала впечатление подавляющего превосходства над неприятелем»³¹. Следуя логике автора, мы должны были обязать французов установить на поле не меньшее количество монументов? В.В. Лапин, который очевидно ни разу не видел Бородинского поля, наивно полагает, что все памятники здесь «сгруппированы» в ряд на обозримом пространстве. «Французский монумент был только один, и располагался он возле села Шевардино, захват которого русская сторона никогда и не оспаривала. Если взглянуть на это место как на шахматную доску (а многочисленные схемы-указатели на такое сравнение наталкивают!), то заметна одинокая “черная фигура”, хотя и претендующая на роль ферзя, и целый строй разнообразных “белых фигур”, окружающих такого же ферзя (главный монумент на месте батареи Раевского). Сравнение поля с шахматной доской – один из расхожих приемов военной исто-

рии. Таким образом, вид мемориального комплекса, сложившегося в 1912 г., снимал сомнения именно в торжестве русского оружия. <...> За Семеновским оврагом, куда отошли русские части после падения Багратионовых флешей и батареи Раевского, никаких мемориальных объектов не появилось»³². А как же памятники 2-й кирасирской дивизии, лейб-гвардии Литовскому и Измайловскому полкам, Астраханским кирасирам, Кавалергардам и Конной Гвардии, ротам лейб-гвардии артиллерийской бригады и другие, которые находятся за Семеновским оврагом?

Впрочем, в коммеморации событий 1812 года автор нашел для себя утешительный факт: из-за внешнеполитической обстановки «власти и сознательные граждане сошлись во мнении о необходимости избежать превращения юбилейных торжеств в глумление над поверженным противником». Не уточняя, кто такие эти сознательные граждане, хотелось бы задать вопрос, а разве В.В. Лапин располагает сведениями о том, как у кого-то возникло намерение глумиться над врагом? Автор продолжает мудрствовать лукаво: «На конструировании памяти об Отечественной войне 1812 г. как памяти о Бородинском сражении большое влияние оказало то, что военная историография явно тяготеет к сведению истории вооруженных конфликтов к описанию главных битв с тенденцией выделения из них генерального сражения, сыгравшего “переломную” роль. В военном нарративе Нового времени изображение этого эпизода кампании соответствует месту “развязки” в любовно-сентиментальном романе. Участие в генеральном сражении становится мерилom героизма, как отдельных лиц, так и воинских частей. Жаркая схватка с превосходящим по силе противником возле никому не известной деревеньки в составе кавалерийского разъезда, даже самоотверженное стояние под картечью в боях <...> не могли соперничать в героизации с любым пребыванием на местности между селами Маслово и Утица 26 августа 1812 г.»³³. Как объяснить автору статьи, который явно не был на Бородинском поле, не представляет ни местности, ни расположения памятников на ней, ни истории их возведения, ни истории 1812 года, ни истории сражения, которое он, вопреки очевидным

историческим фактам называет «переломным»; который не ведает, да, похоже, и ведасть не хочет, как в действительности происходила коммеморация этого события, основанная, прежде всего, на свидетельствах участников битвы, многократно запечатленной в мемуарных источниках? Именно из источников личного характера возникает образ битвы, затмивший все другие военные события «русской кампании».

Американский исследователь Шон Поллок посвятил статью, опубликованную в том же 2015 г. в другом сборнике, изучению мемориализации князя Петра Ивановича Багратиона: «С патриотической поэмы Жуковского начался процесс национализации смерти Багратиона <...> и создания “культы павшего солдата” – важной составляющей в последующих проявлениях “религии национализма”, в том числе в России»³⁴.

Автор уверен, что «...“Певец” стал первым литературным текстом, увековечившим участников сражения, включая, прежде всего, князя Багратиона. Следствием стала не только мемориализация жертвы князя, но и национализация, создание “культы павшего солдата”, который навсегда остался ключевым в официальном русском патриотизме»³⁵. Начнем с того, что в произведении В.А. Жуковского в числе военачальников, ставших «добычей лютой брани», князь П.И. Багратион воспевается после Я.П. Кульнева, погибшего в начале войны под Клястицами, и графа А.И. Кутайсова. Что касается «культы павшего солдата», то он существовал и ранее. Достаточно привести в качестве примера «Оду на смерть князя Мещерского» Г.Р. Державина. «Образованному обществу России начала XIX в. было свойственно романтическое восприятие политики и “человека войны”. Он мыслился победителем, а война осознавалась как открытая ситуация для реализации потенций героя, – отмечает современный исследователь. – Это представление соответствовало общему культурно-психологическому духу эпохи классицизма. Европейские войны прочитывались российскими зрителями в категориях античного противоборства»³⁶. Эстетизация смерти на поле брани занимала особое место в эпоху Наполеоновских войн. Эта тема достаточно подробно представлена в статье В.Н. Земцова «Искусство правильно умирать»³⁷. «Певец во стане русских

воинов», безусловно, лучшее, но единственное произведение, отразившее внутренний мир человека того времени. Смерть князь Багратиона, «красы и гордости русской армии» (С.Г. Волконский), «Ахилла Наполеоновских войн», ставшего легендой при жизни, явилась потрясением для россиян, независимо от того, была ли его кончина воспета в стихах или нет. Как впоследствии написал А.И. Михайловский-Данилевский: «Это был наш князь Багратион».

Ш. Поллок рассуждает так: «В “Певце во стане русских воинов” Багратион изображен воплощением как военных, так и национальных русских ценностей»³⁸. Автор разъясняет, в чем же это проявляется: «Вожди российского прошлого представлены защищающими страну от иноземцев»³⁹. Вероятно, для того, чтобы русские военачальники (и в их числе князь Багратион) не выглядели так удручающе банальными, автор продолжает свои рассуждения: «Темы долга перед царем и религией упомянуты мимоходом, никакой конкретной династии не упоминается. Вместо этого – долг по отношению к родной земле (поля, холмы родные)»⁴⁰. Чувствуешь невольное смятение: какое все это имеет отношение к князю Багратиону? О нем ли это написано? И как быть с поэтическими строками из того же произведения, на которые автор почему-то не обращает внимания?

Тебе сей кубок, русский царь!
Цвети твоя держава;
Священный трон твой нам
алтарь;
Пред ним обет наш слава.
Не изменим; мы от отцов
Прияли верность с кровью;
О царь, здесь сонм твоих сынов,
К тебе горим любовью...

И надо ли было напоминать кому-либо на Бородинском поле, какая династия находится на троне в России? В статье возникает извечное противоречие между «секуляризованным» и религиозным

сознанием: «Праведная причина» национального возмездия гарантирует победу русских над Наполеоном и его разношерстной армией: «...Пришлец, мы в родине своей; / За правых Провиденье»⁴¹. В сознании русских воинов, как писал участник Бородинского сражения М.М. Петров, жило вкорененное понятие «трех сестер» – Веры, Надежды, Любви, а отнюдь не гарантии материального успеха.

Фантазии автора, вызванные его субъективным мнением, продолжают: «...Понятия “славянин” и “русский” используются в произведении взаимозаменяемо, тогда как имя Михаила Баркляя де Толли в списке почитаемых русских воинов недвусмысленно отсутствует». На что намекает автор – на иностранную фамилию? А как же Беннигсен или Фигнер? А ведомо ли автору, что Багратион – тоже не русская фамилия? Что касается Баркляя, то сам Жуковский писал, что считает его недостойным поэтических строк, не из-за фамилии, а из-за хода военных действий. Далее автор сообщает о том, что «силу созданного Жуковским образа Багратиона» можно встретить на страницах романа Л.Н. Толстого. Парадокс однако в том, что в описании Бородинского сражения князь Багратион упоминается лишь однажды, когда Кутузову донесли о его ранении!

«Музеефикация Бородина и национализация смерти Багратиона продолжились в эпоху “официального национализма” при Николае I, – продолжает свои рассуждения автор статьи. – В начале июля 1839 г. на Бородинском поле был сооружен монумент, оставалось установить медную доску князю Багратиону с решеткою вокруг»⁴². Хотя, по логике автора, это был уже явный «перебор». «Имена четырех русских полководцев, которые “умерли за Отечество”, были выгравированы на седьмой грани (монумента. – *Прим. автора*), как и имена командовавших генералов: Кутузова, Баркляя де Толли и Багратиона. Лишь имя Багратиона написано на монументе дважды. Его память заняла особое место в мемориализации Отечественной войны, его жертва была истолкована в национальных понятиях»⁴³. И опять трудно справиться с недоумением: но нельзя же было дважды написать имена Кутузова и Баркляя де Толли, если они остались невредимыми в битве?

О романе С.Н. Голубова «Багратион» автор пишет, основываясь как всегда на предположениях: «Многие из тем и образов книги были предвосхищены патриотическим стихотворением Жуковского 1812 г., а возможно, и появились под его влиянием. <...> В романе рассказчик представляет Багратиона если не “богом рати”, как у Державина, то во всяком случае как любимого армией военачальника»⁴⁴. Неясно, куда клонит автор. Разве князь Багратион не был любим войсками? И, наконец, вывод, потрясающий своим новаторством: «Не следует забывать, что в месяцы, предшествовавшие Бородинскому сражению, Багратион сам облек конфликт в национальные термины, с помощью которых Россия и русские противопоставлялись своим нерусским врагам, как внешним, так и внутренним. Из этого еще не следует, что к августу 1812 г. Багратион повернулся спиной к своему монарху и своей вере – Багратион не был Робеспьером, – но можно предполагать, что тенденциозное переложение прошлого Голубовым могло иметь некоторое основание в источниках, относящихся к жизни Багратиона и его последующей мемориализации»⁴⁵. Какие источники могли навести С.Н. Голубова, собравшего богатую книжную коллекцию по военной истории, которую его вдова передала в дар Государственному музею А.С. Пушкина, на то, что князь Багратион намеревался «вернуться спиной к своему монарху и своей Вере»? Речь идет о полководце, написавшем графу Ф.В. Ростопчину накануне битвы: «Я так крепко уповаю на милость Бога. А ежели Ему угодно, чтобы мы погибли, стало мы грешны и сожалеть уже не должно, а надо повиноваться, ибо власть Его святая»⁴⁶. Полагаясь на выводы автора, ранее исследовавшего «русификацию» князя Багратиона в 1812 г.⁴⁷, невольно думается: «Невозможно предсказать, какое применение будущие поколения в России найдут для памяти о Багратионе»⁴⁸.

Пока же из всего сказанного напрашиваются следующие выводы: специалистам по коммеморативным практикам необходимы знания, без которых их рассуждения и выводы, основанные на невежестве, можно рассматривать лишь как домыслы, в свою очередь, рассчитанные на невежд. Либо авторы некоторых статей, о которых

говорилось выше, подразумевают в них «вполне определенный образ прошлого. <...> Плурализм интерпретаций является лишь своего рода побочным продуктом весьма однозначного представления, которое не допускает иных интерпретаций, а если и допускает их, то не как равноценные»⁴⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Агафонова В.К.* Бородинские памятники 1912 г. Коммеморативные практики начала XX века // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XXII Международ. науч. конф., 3–5 сентября 2018 г. Бородино, 2019. С. 113–119.

² *Сабурова Т.А.* Отечественная война 1812 года в коммеморативных практиках и исторической памяти российского общества XIX–XX века // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Доклады Международной конференции «Россия и Наполеоновские войны» (Межотне). XII: Сборник материалов. К 200-летию Заграничных походов российской армии 1813–1814 гг. М., 2014. С. 377.

³ *Ивченко Л.Л.* Историография Отечественной войны 1812 года (200-летний юбилей события) // Партитура Первой Отечественной. Война 1812 года. М., 2012. С. 172; *Она же.* Не братья по славе? Историография 1812 года: нынешнее состояние // Родина. Росс. ист. журнал. Спец. выпуск. 2012. №6. С. 9–16.

⁴ *Румянцева М.Ф.* Историческая память и музейная экспозиция в ситуации постмодерна // XVIII век в истории России. Труды ГИМ. М., 2005. С. 10.

⁵ Отечественная война 1812 года в культурной памяти России // Л.В. Мельникова, С.С. Секиринский, А.А. Подмазо, А.В. Голубев, Н.Н. Аурова. М, 2012.

⁶ *Баранова Е., Кончаков Р.* Блогосфера и 200-летие Отечественной войны 1812 года // Два века в памяти России. 200-летие Отечественной войны 1812 года: сборник статей. СПб., 2015. С.130.

⁷ Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Доклады Международной конференции «Россия и Наполеоновские войны» (Межотне). XII: Сборник материалов. С. 329.

⁸ Там же. С. 336.

⁹ *Постникова А.А.* Великая армия Наполеона на Березине: событие-память. СПб., 2014.

¹⁰ Там же. С. 7; Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Доклады Международной конференции «Россия и Наполеоновские войны» (Межотгне). XII.

¹¹ *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. С. 3.

¹² *Ивченко Л.Л.* Бородинское сражение. История русской версии событий. 3-е изд. М., 2017. С. 5–175.

¹³ *Шейн И.А.* Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2013.

¹⁴ Там же. С. 326–327.

¹⁵ Там же. С. 311–460.

¹⁶ Историческая политика в интернет-пространстве современной России: репрезентация и интерпретация истории Отечественной войны 1812 года // Два века в памяти России. С. 133.

¹⁷ Там же. С. 4.

¹⁸ *Поли Ж.Д.* Франция и русская кампания 1812 года в 2012 году. Опыт описания публикаций, упоминаний и памятных мероприятий. Возможности анализа, цели и задачи // Два века в памяти России. С. 238–266.

¹⁹ Там же. С. 257.

²⁰ Там же. С. 238.

²¹ *Миллер А.И.* Юбилей 1812 года в контексте политики памяти современной России // Два века в памяти России. С. 21–22.

²² *Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012.

²³ Диалог о книге. «Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814» Доминика Ливена // Российская история. 2013. №6. С. 3–51.

²⁴ *Миллер А.И.* Юбилей 1812 года в контексте политики памяти современной России. С. 22.

²⁵ Там же. С. 27.

²⁶ *Целорунго Д.Г.* Офицеры русской армии немецкого происхождения – участники Бородинского сражения // Материалы XI Всерос. науч. конф. «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Можайск, 2004; Он же. Русские офицеры – участники Бородинского сражения. М., 2002.

²⁷ *Латин В.В.* 100-летие Отечественной войны 1812 года // Два века в памяти России. С. 25–66.

²⁸ Там же. С. 28.

²⁹ Там же. С. 36.

³⁰ Там же. С. 37.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же. С. 53.

³⁴ *Поллок Ш.* «Ты показал, как русскому должно умирать за Русь»: Князь Петр Иванович Багратион и становление русского национального героя // После грозы: 1812 год в исторической памяти России и Европы: сб.ст. М., 2015. С. 26.

³⁵ Там же. С. 28.

³⁶ *Вишленкова Е.А.* Война и мир в контексте внешней политики России в начале XIX века. // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Издательство Саратовского университета, 2002. С. 101.

³⁷ Родина. Росс. ист. журнал. № 8.

³⁸ *Поллок Ш.* Указ. соч. С. 28.

³⁹ Там же. С.28–29.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 33.

⁴³ Там же. С. 34.

⁴⁴ Там же. С. 39.

⁴⁵ Там же. С. 41.

⁴⁶ *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2006. С. 108.

⁴⁷ *Pollock S.* 'One Russian to Another': Prince Petr Ivanovich Bagration's Assimilation of Russian Ways // *Ab Imperio*. Казань, 2010. Т. 4. С. 138–141.

⁴⁸ *Поллок Ш.* Указ. соч. С. 42.

⁴⁹ Смоленский Н.И. Теория и методология истории. 3-е изд. М., 2010. С. 184.